

воры двух друзей должны бы стать темой особого исследования – так убедительно переплетены в них уроки жизни и литературы.

Сложное сплетение литературы и действительности предстает в следующем и последнем произведении Теккерея, удостоенном высокой критической оценки, – в “Истории Генри Эсмонда” (1852).

Роман, посвященный последним десятилетиям XVII и первым десятилетиям XVIII в., начинается с пылкой декларации о том, как нельзя писать исторические сочинения – и как, следовательно (хотя прямо это не сказано), будет написана предлагаемая книга: историческая Муза должна подниматься с колен и повествовать не о деяниях монархов, а простых людей, как это делает в своих романах Фильдинг, а на своих картинах – Хогарт [5, т. 7, с. 18].

Вопреки принятым представлениям, разница между теми славными лицами, которые теснятся на страницах исторических сочинений, и теми маленькими людьми, которые из них исключены, не больше, чем разница между процветающим лорд-мэром Лондона и осужденным на смерть Джеком: у первого – на столе пудинг, а на нем самом красное облачение и золотая цепь, тогда как второй умирает от голода [5, т. 7, с. 20].

Своей задачей Теккерей считает такое изображение истории, какое противоречит официальным канонам: хронику благородного семейства Каслвудов он излагает с обилием “низких” подробностей; еще оскорбительней характеризуется претендент на британскую корону Иаков III, и совсем убийственен портрет прославленного полководца, герцога Мальборо. Всю силу красноречия Теккерей тратит на картины “ужасов войны”, от которых страдают тысячи безымянных жертв как среди ни в чем не повинных солдат, так и населения мест, где проходят бои.

Чрезвычайно характерно, что вся история Генри Эсмонда – история формирования его личности, его несчастной и – одновременно его счастливой любви – сплетена и с гражданской и военной историей его страны: он оказывается, вопреки своим убеждениям, участником заговора Стюартов, сторонником претендента, и он же, служа сперва скромным офицером, потом в полковничьем чине, является наблюдателем кровавой и длительной войны за испанское наследство.

Его описания жестокостей и кровопролитий не менее чем самими событиями вдохновлены их поддельными описаниями в прозе и особенно поэзии. Литературная природа творческих импульсов Теккерея в “Эсмонде” проявляется с полной откровенностью в том, что его герой, воин, боевой офицер, оказывается одновременно деятельным участником литературной жизни своего времени, другом Стиля и Аддисона, знакомым Попа,

Свифта и других знаменитостей “века королевы Анны” – и сам пробует перо в очерках и стихах.

Особенно многозначительны его тирады против прославления войны в поэме Аддисона. Победу англичан в заливе Виго Эсмонд называет скверной историей – “хотя мистер Аддисон и воспел ее в латинских стихах. Муза этого доброго джентельмена всегда глядела в сторону удачи, и я сомневаюсь, могла ли бы она вдохновиться участью проигравшей стороны” [5, т. 7, с. 219]. Обращаясь к самому поэту, Эсмонд упрекает его за то, что в поэме “Поход” он изобразил только героический аспект войны, а не ее “позорную бесчеловечность”. “Я восхищаюсь вашим искусством; людей убивают у вас под звуки оркестра, точно в опере, девы вскрикивают стройным хором, когда наши победоносные гренадеры вступают в их родное село” [5, т. 7, с. 275]. Горящие дома, разрушенные города, растоптанные поля, крики женщин и детей, зарезанные отцы и сыновья – и пьяный гогот солдатни – все это начисто отсутствует в поэме Аддисона и тем самым становится для Теккерея сильнейшим стимулом к установлению истины.

Все негодующие замечания Эсмонда о преступлениях войны даны в контрасте с их восторженной героизацией в поэзии, и Эсмонд глубоко возмущен безнравственностью таких восхвалений. Поэты должны изображать битву не в романтическом свете, а как явление омерзительное, кровавое и варварское [5, т. 7, с. 275]. Даже самая блистательная победа имеет следствием насилие, жестокость и пьяные грабежи.

В “Эсмонде” еще более, чем в “Ярмарке тщеславия”, раскрывается зрелость дарования Теккерея: владеющая его сознанием тема всеобщей продажности отнесена им в прошлое, раскрыта в своей сущности, неизменной, несмотря на исторические изменения. Рисуя героя-повествователя в двойной роли – человека действия (политического и военного) и человека, причастного литературе, осмысляющего в свете ее заблуждений опыт своего времени, Теккерей утверждает значение искусства как творческого импульса. Даже странная любовная история героя (он женится на матери той, которой долгие годы тщетно домогался) кажется литературно обусловленной, поскольку бросает вызов традиции, выходит за пределы принятого.

“История Генри Эсмонда” многими критиками признана как одна из вершин творчества Теккерея: выстроенная с особой тщательностью на основе логически обусловленного единства социального и личного опыта героя, эта книга стала последним безусловным успехом писателя и последним его “новым словом”. Все дальнейшие его работы были “продолжениями” уже ранее намеченных историй, завершением уже ранее начатых раздумий.